

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

По-нашему мнению, начиная с XVIII в., богословская наука в лице своих наиболее талантливых представителей предлагала свой оригинальный компромисс с философской наукой. В России одним из первых в этом плане был Сковорода.

Лучшие исследователи духовно-академической русской философии — священники Г.Флоровский и В.Зеньковский — в свое время внесли важный вклад в разработку этой актуальной проблемы. Они не только статусно определили данный феномен отечественной мысли, но и представили огромную библиографическую доказательную базу своих итоговых работ концептуального плана. Интересующий нас вопрос также критически поднимался в очерках по истории русской философии Г.Г.Шпета и Э.Л.Радлова.

К сожалению, в современных исследованиях духовно-академической философии в России, а также на Украине, присутствуют и работы явно компилятивного плана, но их мы не будем упоминать. Назовем лучших исследователей данной темы и главные работы последних лет, в которых не просто поддерживается интерес к духовно-академической философии, но и развивается концепция взаимосвязи богословско-философского знания.

Прежде всего считаем своим долгом упомянуть о работах А.И.Абрамова по указанной проблематике, которые представлены в его «Сборнике научных трудов по истории русской философии» (М.: Кругъ, 2005). Среди российских исследователей данного вопроса отметим также

Л.Е.Шапошникова (Консерватизм, новаторство и модернизм в православной мысли XIX–XX веков. Н. Новгород: НГПУ, 1999), И.В.Цвык (Духовно-академическая философия в России XIX в., М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002), А.В.Панибратцева (Просвещение разума. Становление академической науки в России. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2002). Работа В.Ф.Пустарнакова «Университетская философия в России» (СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2003) имеет прямое отношение к выбранной нами теме, поскольку в ней автор рассматривает многие из затрагиваемых нами вопросов, но в университетской среде означенного времени. К тому же труд содержит большое количество материала справочного характера. Здесь же необходимо упомянуть о многочисленных трудах З.А.Каменского, который являлся известным исследователем архивных материалов, но по светской философии.

А.И.Абрамов, В.Ф.Пустарнаков, З.А.Каменский, Н.В.Мотрошилова¹, Т.Б.Длугач, А.В.Соболев как представители старшего поколения современной академической российской историко-философской науки внесли большой вклад в разработку данной тематики. Кроме того следует отметить наиболее значительных специалистов по истории отечественной философии Нового времени, которые привлекают в своих трудах архивные материалы, в том числе собственноручно ими изученные — С.С.Хоружего, М.А.Маслина, В.К.Шохина, В.В.Сербиненко, В.В.Лазарева, А.П.Козырева, А.И.Резниченко, С.М.Половинкина, В.В.Ванчугова и других. Особо следует выделить коллективные монографии «Гегель и философия в России» (М., 1974), «Философия Канта в России» (М., 1994), «Философия Шеллинга в России» (СПб., 1998), «Философия Фихте в России» (СПб., 2000), «Христиан Вольф и философия в России» (СПб., 2001), в которых анализируется научно-эмпирический материал.

Значительных успехов в изучении архивных материалов по истории Киево-Могилянской и Киевской духовной академий достигли украинские специалисты: В.М.Ничик (Из

истории отечественной философии конца XVII — начала XVIII в. Киев, 1978), В.С.Горский (Киево-Могилянська академія в історії української філософії // Наукові записки Національного університету «Киево-Могилянська академія». Київ, 1999; Історія української філософії: Курс лекцій. Київ, 1996; Шевченко І. Сутність людини у працях професорів Києво-Могилянської академії. XVII—XVIII сторіччя. Ч. 2.; Я.М.Стратий, В.В.Литвинов, В.А.Андрушко (Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. Киев: Наукова Думка, 1982); М.Л.Ткачук (Памфіл Юркевич. З рукописної спадщини. Київ, 1999; Київська академічна філософія XIX — початку XX ст. Київ, 2000; Петро Ліницький: життєвий шлях і духовна спадщина. Київ, 1997), А.Г.Тихолаз (Платон и платонизм в русской религиозной философии второй половины XIX — начала XX веков. Киев, 2003). Большой интерес представляет коллективная монография украинских коллег В.С.Горского, Я.М.Стратий, А.Г.Тихолаз, М.Л.Ткачук (Київ в історії філософії України. Київ, 2000).

Сегодня актуальной становится проблема продолжения исследований по указанной тематике на высоком профессиональном уровне.

Для начала обратимся к анализу идейной ситуации эпохи, отраженной в представленных текстах. Реализм, романтизм, мистицизм и другие направления, проявившиеся в Европе и России на рубеже XVIII—XIX вв. вследствие известных европейских реалий, закончившихся изоляцией Наполеона и разорением большей части населения европейских стран, тем не менее во всех без исключения сферах искусства и гуманитарных наук, не исключая философию и богословие, дали конкретные результаты. Философская и богословская мысль требовала уравновешенности, как и прежде, оставаясь последним «чистым» оплотом разумности как таковой. В следующем веке философию из «служанки богословия» превратили в концепт глобального переустройства мира, который с теми или иными вариациями продолжается и поныне.

Исследование классических текстов по-прежнему остается прерогативой историко-философской науки. Иначе и быть не может — после долгих потрясений и переосмысления навязанных установок общество не может не стать другим, оно требует стабильных, вечных ценностей. Результатом таких глобальных политико-составляющих исторических перемен в общественном сознании на рубеже XVIII—XIX вв. стало формирование не только направлений, но и школ, состоявшихся на уровне классических вершин человеческой мысли, что случается отнюдь не каждое столетие. В качестве примера можно привести немецкую классическую и академическую русскую религиозную философию с их профессиональными поисками и новаторской работой дальнейшего рационального понимания двухтысячелетнего опыта христианизированной цивилизации².

Рационализировать не так, как прежде, объяснить цели системы по несколько другим принципам — данная задача стояла как перед философией, так и перед богословием. Парадоксально звучит, но именно в это время (первая половина XIX века) богословие и философия после перманентного раздора не только серьезно посмотрели друг на друга, но и теоретически (каждая в своем стиле) начали говорить об общих интересах и общих проблемах. Богословие в трудах его образованных воспитанников утверждало, что философия — его родная дочь. А идеалистическая философия, неся, как лозунг, вырванный из контекста тезис Канта: философия — не есть служанка богословия, а светильник мысли, по-своему оттачивала обоснование принципов высокой нравственности и постулаты Божественной справедливости. В это же время философский материализм постепенно, но беззастенчиво развенчивал недостатки прародительской почвы — пантеизма, показывая, что эгоизм в конечном итоге и есть истинная его (материализма) суть.

На рубеже XVIII—XIX вв. российское богословие и философирующая аудитория, уже на новом языке современной им науки, определились в общей тематической заинте-

ресованности. Они стали мыслить по-новому, анализируя и возражая, но в то же время отстаивая свои принципы, самостоятельность. Продуктивно мыслящие богословы обязаны были сохранить и сохраняли на всех присущих богословию уровнях *теизм* как научное направление. Можно выделить 3 главные формы бытования русской философии: «вольная», университетская и духовно-академическая, которые отнюдь не были отделены друг от друга непреодолимой стеной³. Существовали сквозные проблемы, в решение которых внесли свой вклад все три главные ветви отечественной философской культуры, что указывает на необходимость их оценки и восприятия в качестве разновидностей единой, интегральной истории русской философии. Знаменательно то, что продуктом интегральной русской мысли, как светской, так и религиозной, явилась проблематика кризиса европейской культуры и поиска путей выхода из него. Многие из этих идей обсуждаются в отечественной мысли и поныне не только в философском, но и в культурологическом, политологическом и геополитическом аспектах.

И для Германии, и для Российской империи, в том числе и для ее украинской составляющей, формирование «новой» школы профессионального теизма происходило как на почве усвоения наследия прошлого, так и на фоне соотнесения его мудрости с новыми условиями бытия. Однако глобальный государственный кризис давал о себе знать, и судьбу Киевской духовной академии тех лет нельзя назвать завидной. Это уже позже — с середины XIX столетия — снова будет на слуху Киевская духовно-академическая школа как одна из наиболее современных и либеральных. А первые три десятилетия XIX в. эта ушедшая в прошлое школа будет переживать период не своего нового реформирования, а нового *формирования*. Старой киевской школы не стало, как не стало старого государства. Киево-Могилянскую академию стали называть в исторических сводках «старой Киевской академией». Одним из результатов реформирования всей системы духовного образования в Российской империи стало профессиональное изу-

чение богословско-философской мысли «отобранными» студентами, в основном выходцами из церковного сословия. Такая специализация на данном виде гуманитарного знания и подготовка высокообразованных богословов весьма повысила качество образования в данной гуманитарной сфере знания, но и сделала его замкнутым, как мы сегодня бы сказали — элитарным, во многом корпоративным⁴.

Ясно и чётко передаёт ситуацию духовного становления общерусской мысли и той роли, которую сыграла Киевская академия, Василий Зеньковский: «...хотя южнорусская учёность ещё до крайности не свободна... было бы ошибочно недооценивать её положительный вклад в умственную жизнь сначала Украины, а потом и всей России. И не случайно, что первое заявление о свободе мысли, о внутренней силе, присущей мысли, исходит от московского учёного XVIII века Феофилакта Лопатинского, питомца Киевской Академии. Не только формальная философская культура развивалась постепенно благодаря Киевской Академии, но, несомненно, зарождались и творческие замыслы... Москва жадно впитывала в себя всё, чем была богата Украина...»⁵.

Нельзя не вспомнить оценку В.Зеньковским феномена Г.Сковороды как имеющую непосредственное отношение к рассматриваемому нами вопросу: «Г.Сковорода примечателен как первый философ на Руси в точном смысле слова. Изучение его философского творчества интересно и само по себе, но ещё более интересно с исторической точки зрения. Сковорода был бы непонятен вне исторической перспективы, вне той философской культуры, которая слагалась на Южной Руси благодаря Киевской Академии. Появление Сковороды свидетельствует о том, что не напрасно занимались в Академии изучением западной мысли, — в оригинальной и самостоятельной системе Сковороды надо видеть первые всходы того, что развивалось в русской религиозной душе, когда умственная энергия направлялась на вопросы философии»⁶. Отметим, что

Г.С.Сковорода был одним из наиболее близких по духу философом и для В.Карпова, который уделил ему особое внимание в своем «Введении в философию».

Ситуация в академии середины XVIII столетия была во многом сродни ситуации 20–30-х гг. XIX в., когда в ней также начала возрождаться философская школа, которая в дальнейшем окажет огромное влияние на общероссийскую философскую традицию. Школа эта получит название «киевской школы теизма». Необходимо в связи с этим отметить, что специализация на собственно духовном образовании имела в «обновлённой» академии как несомненно положительные, так и некоторые отрицательные стороны. К последним следует причислить тот факт, что Киевская академия в первой четверти XIX в. утратила своё первенство среди российских академий как научно-образовательное академическое заведение высшей ступени, поскольку был открыт Императорский Киевский университет, естественным образом занявший ранее принадлежавшее ей первенство в общеобразовательном процессе.

На протяжении XVIII в. в Киевской академии обучались студенты со всех украинских земель — от Коломыи и Перемышля до берегов Донца — причем светских учащихся насчитывалось в среднем две трети от общего числа студентов, а студентов — выходцев из духовного сословия — всего треть. Вполне хорошо ли это было? Здесь уместно вспомнить и сравнить с оценкой «высших» достижений «старой» академии в лице одной трети духовного сословия — впоследствии многих выдающихся архиереев и мыслителей, данной В.Зеньковским, с другой оценкой, литературной, Н.В.Гоголя с его характеристикой Киевской академии (Киево-Могилянской) в «Тарасе Бульбе» и «Вие» со светской точки зрения, т.е. с точки зрения тех двух третей студентов из светского сословия.

Хотя это литературно-художественные произведения, но поданная автором—классиком информация об академии заслуживает внимания для понимания статуса данного за

ведения в обществе. Напомним, что сыновья Тараса Бульбы в двенадцать лет были отданы в Киевскую академию в бурсу (далее шла семинария), поскольку все тогдашние чиновники считали своим долгом дать детям воспитание и образование. Читаем у Гоголя: «Тогдашний род учения страшно расходился с образом жизни: эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались к времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни. Учившиеся им ни к чему не могли привязать своих познаний, хотя бы даже менее схоластических. Самые тогдашние ученые более других были невежды, потому что вовсе были удалены от опыта. ...Голодная бурса рыскала по улицам Киева и заставляла всех быть осторожными. ...Эти бурсаки составляли совершенно отдельный мир: в круг высший, состоявший из польских и русских дворян, они не допускались»⁷.

Отметим со своей стороны, что при изучении архивных документов как Киево-Могилянской, так и Киевской духовной академии мы сталкивались с записками специальных комиссий, создававшихся для изучения условий содержания учащихся. Выводы их весьма неутешительны: у более 60% студентов отмечалось физическое истощение вследствие плохого питания, и государство выделяло некоторые, хоть небольшие, но реальные средства на улучшение данного положения.

При реформе духовных школ в начале XIX в. было исправлено такое несоответствие, и духовное образование избавилось от своей «светскости», став, как и сегодня, узкопрофильным, корпоративным. Не было и богословских факультетов в университетах царской России.

А вот как Гоголь пишет в «Вие» о бурсаках и семинаристах, учащихся более высокой ступени образования: «Как только ударял в Киеве поутру довольно звонкий семинарский колокол, висевший у ворот Братского монастыря, то уже со всего города спешили толпами школьники и бурсаки. Грамматики, риторы, философы и богословы, с тетрадя-

ми под мышкой брели в класс. Грамматики еще были очень малы... И бранились между собою самыми тоненькими дискантами... Риторы шли солиднее... эти говорили и божились между собой тенором. Философы целою октавою брали ниже: в карманах их, кроме крепких табачных корешков, ничего не было...»⁸.

Далее следовали богословы, собственно выходцы их духовного сословия. Весьма интересно и последующее описание боя между семинаристами со «всеобщего согласия»: «...в этом бою должны были участвовать все, даже и цензора, обязанные смотреть за порядком и нравственностью всего учащегося сословия. Два богослова обыкновенно решали, как происходить битве... Во всяком случае грамматики начинали прежде всех, и как только вмешивались риторы, они уже бежали прочь... Потом вступала философия с длинными черными усами, а наконец и богословия, в ужасных шароварах и с претолстыми шеями. Обыкновенно оканчивалось тем, что богословия побивала всех, и философия, почесывая бока, была теснима в класс и помещалась отдыхать на скамьях»⁹.

Как видим, философия оказывалась ниже богословия по своему статусу. Даже в условиях духовных академий постоянно пытались подавить либерализм философии по сравнению с богословием, но она все же заняла надлежащее ей место в обновленных духовных академиях, в частности в Киевской, преподаватели и выпускники которой, как профессор названной академии И.М.Скворцов и впоследствии профессор Санкт-Петербургской духовной академии В.Н.Карпов, в середине XIX столетия написали программы по логике и истории философии для университетов Российской империи, критически рассмотренные Высочайшим Синодом, а до этого и Цензурным комитетом. Принято говорить об «изгнании» философии из университетов, однако не интересуются теми программами, по которым читали логику и историю философии профессора духовных академий во время одного изгнания в этих же университетах, наполняя содержание курсов академическим профессионализмом. На са-

мом деле данный вопрос был вопросом внутренней политики государства, то есть политическим, а собственно наука не пострадала. Нам удалось найти данные программы в ЦГИА с весьма критическими замечаниями цензоров. Исследование по данному вопросу заслуживает также отдельного рассмотрения.

На 20-е годы XIX столетия приходится формирование нового поколения отечественных мыслителей, которые получили образование в реформированных академиях, в том числе Киевской, и в её же стенах сделали первые шаги на педагогической и научной ниве. Для того чтобы стала ясна картина, на фоне которой происходил процесс становления будущих представителей школ русской христианской философии (в нашем конкретном случае речь идет о киевской и Санкт-Петербургской), мы не будем вдаваться в подробный анализ имеющегося материала, но перед представлением новых текстов взглянем вкратце на происходившие события и сделаем некоторые выводы и замечания. Речь идёт об объединении семинарий и академий в единый комплекс, то есть о крупном реформировании системы духовного образования, переводе преподавания на русский язык, его содержательном обновлении, включая и философскую составляющую. Представим краткий исторический экскурс на тему «духовное образование и богословская наука в России конца XVIII — начала XIX веков» на примере Киевской духовной академии.

Киевская духовная академия с самого начала своей деятельности была одним из наиболее значительных центров развития отечественной философской мысли. Созданная на базе Киево-Могилянской академии — первого крупного высшего учебного заведения восточных славян, не считая своей предтечи, Острожской, — она располагала богатым интеллектуальным наследием, давней традицией философского образования. В восточнославянском регионе философия впервые стала предметом преподавания именно в Киево-Могилянской академии (1644 г.). Благоприятное географиче-